

2. Косик В. И. К. Леонтьев. Размышления на славянскую тему / В. И. Косик. – М. : Зерцало, 1997.
3. Косик В. И. К. Леонтьев. Размышления на славянскую тему / В. И. Косик. – М. : Зерцало, 1997.
4. Леонтьев К. Pro et contra: В 2-х т. / К. Леонтьев. - СПб.: Христ. ун-тет, 1995.
5. Грифцов Б. А. Судьба К. М. Леонтьева / Б. А. Грифцов // Леонтьев К. Pro et contra: Кн. 1. – СПб.: Христ. Ун-тет, 1995. – С. 312.
6. Из воспоминаний К. Леонтьева // Русский архив. – 1880. – Кн. 1. – № 1. – С. 491.
7. Франк С. Л. Миросозерцание К. Леонтьева / С. Л. Франк // Леонтьев. Pro et contra: личность и творчество. – Т. 1. – СПб. : Христ. ун-тет. – С. 237.
8. Бердяев Н. А. К. Леонтьев. (Очерк из истории русской религиозной мысли) / Н. А. Бердяев // Леонтьев. Pro et contra: личность и творчество. – Т. 2. – СПб. : Христ. ун-тет. – С. 165.
9. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. – 2003. – Т. 6. – С. 136.
10. Бочаров С. Г. Эстетический трактат Константина Леонтьева / С. Г. Бочаров // Вопросы литературы. – 1988. – № 12. – С. 188–200.
11. Тургенев И. С. в Москве (из воспоминаний К. И. Леонтьева) // Русский вестник. – 1888. – № 2. – С. 97.
12. Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу : [сб. статей] / Б. М. Эйхенбаум. – Л., 1924. – С. 63–64.
13. Хатунцев С. В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850-1874 гг. / С. В. Хатунцев. – СПб. : Алетей, 2007.

УДК 413

*Асташина Е.И.
(Брянск, Россия)*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ (на материале романа Е. И. Замятина «Мы»)

У статті розкриваються деякі прийоми маніпуляції людською свідомістю, характерні для слабо вивченої мовної системи роману Є.І. Замятіна «Ми».

Ключові слова: *нескінченність, нічого, розум, кристалізація, чистота, метафора.*

В статье раскрываются некоторые приемы манипуляции человеческим сознанием, характерные для слабо изученной языковой системы романа Е.И. Замятина «Мы».

Ключевые слова: *бесконечность, ничего, разум, рассудок, кристаллизация, чистота, метафора.*

The article describes some tricks of manipulation by human consciousness, which are characteristic of the poorly-studied language system of E.I. Zamyatin's novel "We".

Key words: *infinity, nothing, mind, reason, crystallization, purity, metaphor.*

Е. И. Замятин в антиутопическом романе «Мы» последовательно раскрывает один из возможных нежелательных вариантов развития социалистических утопических идей - писатель конструирует негативную гипотетическую модель государства тоталитарного режима правления (его социально-экономическое и политическое состояние, с одной стороны, и лингвокультурологическое - с другой), успешно достигшего всеобъемлющей регламентации сознания безжизненной и зачастую примитивной идеологией. На языковом материале своего произведения, используя безграничный смыслообразовательный потенциал метафоризации, Замятин показывает, как тонкими трансформациями значений слов возможно влиять на восприятие и понимание объективной действительности, человеческое мышление в целом. Читатель, не поработанной государственной идеологией Единого Государства, чувствует, осознанно или произвольно, семантические парадоксы его языковой системы, отраженной в записях его праведного жителя Д-503, ее логические ошибки, когнитивные изломы путей передачи и восприятия информации посредством общеупотребительных и «безобидных» на первый взгляд языковых единиц, являющиеся главным и даже единственным инструментом идеологического программирования мы.

Одним из пунктов этого программирования является мировоззренческая ориентация Единого Государства на «ограничение бесконечности». Контекст *Я не боюсь этого слова - «ограниченность»: работа высшего, что есть в человеке - рассудка — сводится именно к непрерывному ограничению бесконечности, к раздроблению бесконечности на удобные, легко перевариваемые порции — дифференциалы. В этом божественная красота моей стихии - математики* [1: 68] объясняет единогогосударственную ценность ограничения и позволяет понять, что мышление мы направлено не на анализ, синтез, глубину, а на элементарно-логическое раздробление, разложение, близкое к разрушению. Причиной тому является неразличение представителями мы понятия рассудок и разум, существующие для них как дуплетивные синонимы. Они называют «высшим, что есть в человеке», - рассудок, а то, что может сделать «даже эту, пугавшую древних, бесконечность ... удобоваримой» [1: 64], тот алгоритм движения, что присущ механизмам, машинам – разумом. (*Каждая искра динамо – искра чистейшего разума; каждый ход поршня – непорочный силлогизм <...> Философия у кранов, прессов и насосов – закончена и ясна, как циркульный круг* [1: 139]). Однако, «если рассудок как низшая форма мышления познает относительное, земное и конечное, то разум направляет на постижение абсолютного, божественного и бесконечного <...> В отличие от «конечного» рассудка, ограниченного в своих познавательных возможностях чувственно данным материалом, на который накладываются априорные формы рассудка, мышлению на его высшей стадии разума свойственно стремление к выходу за пределы заданного возможностями чувственного созерцания «конечного» опыта, к поиску безусловных оснований познания, к постижению абсолютного» [2: 403]. В сознании мы произошла замена одного понятия другим, причем менее глубоким, что не только приводит к нежелательной когнитивной путанице и дезинформации, но и заочно настраивает мышление мы на узость обзора бытия, принципиально не предполагающую интеллектуальных стремлений к достижению степени разума как бесконечности мыслительного объема, а напротив, отрицает его безальтернативностью, безапел-

ляяностью. Масштаб обзора определяется идеологической программой Благодетеля.

Успешное осуществление ограничения бесконечности доказывают следующие понятия, осознав которые, читатель проникает в тайные механизмы функционирования и развития языковой картины мира жителей Единого Государства.

Слово *отдистиллированный* (*я спустился вниз начисто отдистиллированный, прозрачный* [1: 59]) – образно-оценочная метафора, порожденная детерминологизацией термина *дистилляция* «разделение жидких смесей на фракции различных составов... путем их частичного испарения с последующей конденсацией образовавшихся паров» [3: 88] и как несколько медицинское понятие характеризующая состояние **стерильной очищенности**, абсолютной свободы сознания, отделенного от лишнего, греховного, ложного – полное отделение одной жидкости смеси от другой ассоциативно-метафорически создает образ мысли, совершенно очищенной от ненужного. Однако, особенность существования слова *стерильный* в языковой системе Единого Государства раскрывают иные смыслы слова *отдистиллированный*.

Направленностью на ограниченность и заменой понятия разум понятием рассудок объясняется восхищение Д-503 именно стерильностью небесного полотна: *Я люблю – уверен, не ошибусь, если скажу: мы любим только такое вот, стерильное, безукоризненное небо* [1: 30]. Он гордится стерильностью как совершенной, «безукоризненной» чистотой, т.е. разумной ограниченностью от лишнего. Но даже не имеющие ничего общего со стерильностью семы слова чистый «незагрязненный, незапачканный, «со свободной, открытой, ничем не занятой поверхностью», «без примеси чего-л. постороннего или с незначительной примесью [4 (4: 930)] подходили бы для единогогосударственной эстетики ограниченного. Но Д-503 говорит именно о стерильности, о «таком, в котором или на котором нет микроорганизмов», о «непроизводящем, бесплодном (биол.)» [4 (4: 362)], т.е. о состоянии лишенности всего живого и жизнеспособного, о существовании одиноком, полом, в себе и для себя. (Например, очевидно отождествление понятий *ничего* и *ничего ненужного*, лишнего, т.е. стерильного и чистого в следующем контексте: *круглые синие глаза мне широко раскрыты -- синие окна внутрь, -- и я проникаю внутрь, ни за что не зацепляясь: ничего -- внутри, т. е. ничего постороннего, ненужного* [1: 51]). Стерильный – очищенный до пустоты (пустота – «пустое, **ничем не заполненное** пространство», «полое место внутри сплошного материала» [4 (3: 754)]). Вспоминаются описанные Д-503 ничем не заполненные, какие-то душные, сплошные, плотные образы *единой, лучистой, улыбающейся матери* [1: 31], *голубовато-хрустального, равномерного солнца* [1: 39], напоминающего кварцевую бактерицидную лампу. Д-503 как представитель мы восхищается *синими, не испорченными ни одним облачком* [1: 34] глазами О-90, *не омраченными безумием мыслей* [1: 31] лицами жителей Единого Государства. Отрицательное местоимение *ничего*, отрицательные частицы *не* и *ни* сгущают представление не просто чего-то ненужного, но и отсутствие чего-либо разумного вообще.

Итак, обнаружена понятийная замена: чистота – пустота, где чистота – сущее без примеси лишнего, инородного, ненужного. Пустота – вакуумность сущего. Отсюда можно определить следующее семное наполнение слова *отдистиллированный*: вместо «совершенно чистый», «девственный», «закономерный», в итоге – «совершенный», следует видеть «пустой», «безмысленный»; к тому же в ряду однородных членов с прилагатель-

ным *прозрачный* («**очень чистый**, создающий четкую видимость», «ясный, дающий возможность далеко видеть», «**легко воспринимаемый, простой, ясный**» [4 (3: 659)]) в рассматриваемом термине утверждаются и укрепляются идеи о чистоте, но в то же время появляются мысли о простой фиксации в результате отражения реалий действительности без дальнейшего самостоятельного осмысливания. Можно предположить, что сознание мы настраивается словесным программированием на его послушное восприятие без критического оценивания.

Интересно метафорическое словосочетание *квадратная гармония серо-голубых шеренг* [1: 31]. Метафора Е.И. Замятина – рождение его научно-философского мышления. Данная математическая метафора приобретает особое значение при столкновении терминологического содержания прилагательного квадратная со значениями лексем из других понятийных полей. Метафора, содержащая в себе образ геометрической фигуры, является художественным описанием-характеризацией строгой стройности выстроенных в форме квадрата рядов марширующих жителей Единого Государства. Однако, в данном образном выражении обнаруживается также, что жители Единого государства путают *гармонию* («1. Благозвучие, стройность и приятность звучания. 2. **Стройное сочетание, взаимное соответствие** (предметов, явлений, частей целого, качеств и т. п.)» [4 (1: 400)]) и *симметрию* («**соразмерное, пропорциональное расположение частей** в исследуемом, рассматриваемом объекте», «соразмерность, **одинаковость в расположении частей чего-н.** по противоположным сторонам от точки, прямой или плоскости» [4 (4:132)]). Гармония – качественное внутреннее единение противоречий, симметрия – внешнее единообразие, элементарное тождество двух и более элементов бытия, пропорционально расставленных друг от друга на одинаковые пространственные величины. Гармония не может быть квадратной. Ценность художественного произведения, например, - потенциал отражения внутренней мировой гармонии, что есть гениально исполненное сочетание несочетаемого, вселенское единство ассиметричного многообразия, достигнутое с помощью использования уникальных, нестандартных, правдивых в парадоксальности, ярких образов. Сила воздействия гармонии в том и заключается, что она способно объять необъятное, примирить непримиримое. А симметрия - сущностный признак квадрата, параллелепипеда и т.д., фигур с равными, одинаковыми элементами (сторонами, углами). Как раз симметрия может назваться квадратной, прямоугольной, параллелограмной. Для жителей же Единого государства именно гармония - «неомраченность» пространства существования объекта действительности «неевклидовыми» элементами, неожиданными, ассиметричными вставками, для них гармония - примитивная симметрия, а гармония – нечто равномерно организованное, периодичное в темпоритме жизненной пульсации (жизненной ли?). Это объясняет эстетику и живописи, и музыки, и танца Единого Государства (имеется в виду балет станков, «механический марш Машинного Завода», линии улиц и принявших их формы шеренг). Также в архитектуре ЕГ видим равнобедренность, прямоугольность, прямолинейность объемов, строительную реализацию симметрии, «квадратной гармонии».

Особенности ментальности жителей Единого Государства, проявляющиеся в эстетике их культуры, в частности в выражении *квадратная гармония*, полностью объясняется требованием «ограничения бесконечности» установкой на уравнивательность их особого

идеологического математического учения. Для нас же данное выражение - аномальный метафорический синтез сем качественного порядка «сочетание», «взаимное соответствие» и сем количественного порядка «соразмерность», «одинаковость», приближающий данное метафорическое словосочетание к оксюмору.

В контексте расшифровки понимания жителями Единого Государства слов гармония-симметрия интересен ометафоризованный химический термин *кристаллизация* (... даже у нас процесс отвердения, кристаллизации жизни еще не закончился, до идеала – еще несколько ступеней. Идеал (это ясно) – там, где уже ничего не случается, а у нас... [1: 43]): если кристаллизация – «процесс образования кристаллов», где кристалл - «твердое тело,... имеющее естественную форму правильного многогранника» [3: 141], то тогда идеал сознания мы, кристаллизация, – абсолютно симметричная, равновесная статика жизни как результаты математически точной ее стабилизации. Общая синтаксическая позиция однородных членов слова кристаллизация с прилагательным твердый «устойчивый, не шаткий», «прочно установившийся, без нарушений, отклонений» [4 (4: 469-470)] усугубляет идею об устойчивости и равновесии. Единогоосударственная мировоззренческая ценность стабильности жизни подтверждается словами Д-503: *Вся человеческая история сколько мы ее знаем, это история перехода от кочевых форм к все более оседлым. Разве не следует отсюда, что наиболее оседлая форма жизни (наша) – есть вместе с тем и наиболее совершенная (наша)* [1: 34-35], - а также объяснениями I-330: *... Две силы в мире — энтропия и энергия. Одна — к блаженному покою, счастливому равновесию, другая — к разрушению равновесия, к мучительно-бесконечному движению. Энтропии — наши, или вернее, — ваши предки, христиане, поклонялись, как Богу. А мы, анти-христиане...* [1: 131]. Выбор жителями Единого Государства именно энтропии объясняется его историей. Озлобленное и измотанное Двухсотлетней войной человечество, потерявшее вектор исторического пути, увидело в проекте «математически безошибочного счастья» Благодетеля желанный покой и безопасность и безоговорочно его приняли, что привело, однако, как логичное следствие трусости и слабости, к застою развития общества Единого Государства.

Слово кристаллизация входит в семантическое поле слова симметрия, но выступает из него в семантическое поле концепта твердый смыслами о равновесии, статике, энтропии.

Итак, найдены некоторые основания для характеристики сознания мы как опутанного ложными названиями и смыслами «логического маховика». Известна нерасторжимая связь языка и мышления, сознания. Язык, «общая метафора действительности» [5: 172], «диалектически связан с гносеологическим образом» [5: 205]. Язык как система со знаковыми свойствами – код понятий, сущностей бытия и в то же время источник смысла, языковая единица не просто номинация, но уже суть. «Материальные комплексы звуков речи ... со временем становятся материально-идеальными комплексами **благодаря активной деятельности сознания**» [5: 205]. Обозначая какой-либо несоответствующий себе объект бытия, языковая единица способна скрыть, исказить собственными идеями истинное бытийное значение этого объекта. Искусственные глубинные игры и преобразование языковой системы чреваты кардинальными метаморфозами мышления, сознания, что может изменять саму природу человека. Так, жители Единого Государства лишились индивидуальности и превратились в идентичные послушные детали Государ-

ственной Машины, хорошо управляемые, исполнительные разумные детали Единого Государства, заводного детища Благодетеля.

Мы представили лишь отдельные аспекты той языковой системы, которая насаждалась в Едином Государстве. Сталкивая человеческое и античеловеческое, утопическое и антиутопическое, Е.И. Замятин, используя своеобразный синтез естественно-математической терминологии с привычным для нормального человека языком, добивается диалектического единства формы и содержания.

Данная тема имеет дальнейшие перспективы развития. В представленном направлении можно исследовать весь текст романа. Мы ограничились некоторыми принципиально важными языковыми единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замятин Е. И. Мы: Роман, рассказы, повесть / Сост. О. Михайлов. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 365, [3] с.
2. Новая философская энциклопедия: [в 4 т.]. Т. 3 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2010 г. – 692, [2] с.
3. Евдощенко С.И., Дубичинский В.В., Гайворонская В.В. Словарь химических терминов / Под ред. В.В. Дубичинского. – Ростов н/Д: Феникс, 2006 г. – 352 с.
4. Словарь русского языка: [в 4 т.] / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957–1960 гг.
5. Хроленко А.Т. Теория языка: Учебное пособие / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов. Под ред. В.Д.Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004 г.- 512 с.

УДК 821. 161. 2 – 311. 6. 09

Клюйко Г.С.

(Днепропетровск, Украина)

«МУЗЕЙ ПОКИНУТИХ СЕКРЕТИВ», ИСТОРИЧЕСКИЙ И ДЕТЕКТИВНЫЙ НАРРАТИВЫ

Стаття присвячена розгляду характерних особливостей історичного та детективного наративів та аналізу їх взаємодії у романі О. Забузько «Музей покинутих секретів».

Ключові слова: історичний детектив, наратив, конвенційність, нацифемінізм.

Стаття посвячена рассмотрению характерных особенностей исторического и детективного нарративов и анализу их взаимодействия в романе О. Забузько «Музей покинутих секретів».

Ключевые слова: исторический детектив, нарратив, конвенциональность, нацифеминизм.

The article deals with some characteristic features of the historical and detective narratives and analysis of their interaction in the O. Zabuzhko's novel «Музей покинутих секретів».

Key words: historical mystery novel, narrative, conventionality, nazi-feminism.